

О.М. Куваев

**Печальные странствия Льва
Бибенина**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
О-11

О-11 **О.М. Куваев**
Печальные странствия Льва Бебенина / О.М. Куваев – М.: Книга по Требованию, 2015. – 65 с.

ISBN 978-5-458-03952-9

Повесть построена на противопоставлении двух жизненных философий: надежды на случай, удачу, мотыльковое счастье, легкость момента и второго пути, основанного на вековом опыте человечества, давно познавшего, что жизненным равновесием может быть только труд, принятый как потребность.

ISBN 978-5-458-03952-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015
© О.М. Куваев, 2015

Олег Куваев
Печальные странствия
Льва Бебенина

В результате непонятого замысла природы небо над головой было цвета грязной подкладочной ваты. Лишь на самом горизонте в этот рассветный час держалась отрешенной синевы полоска. Снизу в полоску вгрызался хаос лиственничных вершин – смысл, назначение этого хаоса не суждено разгадать цивилизованному человеку, сколько бы он ни старался.

Груды земли по краям золотоносного полигона, залепленные пещерной грязью бульдозеры, с задранными вверх сверкающими ножами, и сам полигон – гладкая равнина мокрой земли – дополняли невеселую декорацию мест, где моют золото, желтый презренный металл.

Лев Бебенин, контрабасист из бродячей эстрадной труппы, которую собрал по весям и городам предприимчивый человек Леня Химушев, шел через полигон, рассчитывая кратким путем выбраться к речке. Направление вчера вечером указал известный абориген Ваня Не Пролей Капельки. Он же, придя в человеческое состояние души, принес в гостиницу резиновые сапоги. Все остальное, необходимое для рыбалки, Бебенин возил с собой.

Причин, которые заставили его подняться в такую рань, было две: во-первых, директор прииска, однофамилец знаменитого гонщика Омара Пхакадзе, запретил выступление труппы до субботнего дня, во-вторых, контрабасист Бебенин, несмотря на богемную жизнь, был рыбаком. Итак, он шел и насвистывал мелодию «Оскорбленный закат» джазового болгарина Карадимчева.

Ночью прошел дождь. Раскисшая земля чавкала под сапогами. Вначале это была «торфа», как ее здесь называли с ударением на последнем слоге, – бесплодная верхняя шкура земли. Под торфой лежали «пески», они-то и содержали золото. Пески сгребали в циклопические груды, чтобы промыть грохочущей установкой, извлечь из земельных тонн граммы драгматериала.

Он пересекал полигон, думая, как бы скорее добраться до речки. В Сибири множество рыбы. Сведения из заголовков газет. В руке он нес чешское фибергласовое удилище и швейцарскую сумку. В сумке лежали катушки лучшей в мире японской лески, набор лучших в мире шведских крючков и набор лучших в мире мормышек, которые изготавливают и продают у магазина «Рыболов-спортсмен» на Таганке родившиеся до Аксакова деды. Лева Бебенин любил классные вещи и знал в них толк.

Грязная подкладочная вата расплзлась на мгновение, из просвета высветился желтый косой луч, и в то же время в стороне, чуть впереди и справа, рядом с лужей воды, что-то тускло блеснуло. Он замер, как на поклевке; еще не успев что-либо осознать, даже скосить в ту сторону взгляд, по смутному всплеску души понял, что нашел самородок.

Он не в первый раз выезжал с Леней Химушевым в золотую Сибирь и был знаком с приисковым фольклором.

Втянув голову в плечи, он медленно оглянулся. Полигон был пуст и тих, как тихи бывают в утренние часы улицы города или цехи завода, грохочущие работой места. На дальних грудах земли, расположенные цепью, щерились металлическими челюстями бульдозеры. Окна кабин были темны.

Самородок лежал в намытой дождем коричневой жиже, и та его грань, что сверкнула, была срезана наискосок бульдозерным ножом, а может, перехвачена траком.

Он оглянулся еще раз. Ему показалось, что за темным стеклом одной из бульдозерных кабин сидит и смотрит на него наблюдатель. Из-за груд песка торчали головы в темных шапках. Он нагнулся и схватил самородок. Но мерзлая глыба земли самородок не отпускала. Он несколько раз пнул по самородку литым носком пудового сапога. Самородок вывалился вместе с налипшим к нему грунтом, и в образовавшейся ямке тотчас стала скапливаться мутная, самогонного цвета вода.

За полигоном, перевалив через гигантскую насыпь «торфы», в залитом соляркой и дизельным маслом кустарнике, Лев Бебенин с трудом отдышался. На сером от нездоровой ночной жизни лице его выступили капли пота, и вообще это лицо, губастое, украшенное идиотскими бачками, которые в тот год как раз вошли в моду среди определенного люда, было сейчас по-человечески растерянным, как у сильно озадаченного ребенка.

Лев Бебенин осмотрел самородок со всех сторон. Сам того не замечая, он держал его так, что жилы вздулись на тыльной стороне ладони и побагровели основания ногтей. Самородок был большой. Около килограмма. На окатанных водой боках его кое-где жирно отблескивали вкрапления мутного кварца. Вообще же он вовсе не походил на то самое золото, и только пугающая тяжесть на ладони внушала и говорила, что...

Разглядывая самородок, Бебенин вдруг услышал крадущиеся, осторожные шаги. Он быстро сунул самородок под кусок дерна, вскочил и взбежал на насыпь торфов. Пуст был полигон. Он вернулся и снова услышал эти шаги. Он тщательно огляделся. И увидел в трех метрах от себя сломанную ольховую ветку, которая шаркала по ржавой бочке из-под солярки. Дико улыбаясь, он сунул самородок в швейцарскую сумку и напролом пошел через мокрые, растрепанные техникой кусты.

Он уткнулся в ручей, приток реки, на которой стоял прииск. Ручей был первозданно чист, если не считать нескольких консервных банок и бутылки «Спирт питьевой», надетой горлышком вниз на сухую ветку. Наискосок, через перекатик, торчал невысокий обрывчик с полянкой. Он перешел ручей и, обогнув кусты, вышел на эту полянку. На полянке имелись следы костра какого-то аккуратного человека. Отсюда Бебенин мог видеть свой след, который темной полосой выделялся на белесом от влаги кустарнике. Он машинально стал насвистывать мелодию Найла Хэфти «Невеселый Тэдди». Потом закурил.

И таково уж было устройство души контрабасиста Льва Бебенина, что недавнее ошеломление и недавний страх как-то отошли в сторону, стали замываться мелкими движениями мыслей, как замывается в бегущем ручье след сапога на песке. Недаром в своих кругах он числился под кличкой «Беба», взятой от фамилии и английского слова «бэби», что означает «дитя».

Самородок он мог сдать в золотоприемную кассу. Это он знал. Знал и цену.

В заводи хариус показал темную спинку, отсветил жестяным боком.

Без всякой связи, в вопиющем несоответствии с моментом, он вспомнил вдруг одного знакомого пианиста, у которого была обезьяна, макака-резус, по кличке Гриша. У этого пианиста рука от рождения была устроена так, что она точно ложилась на клавиши, если бы даже он играл, стоя на голове. Свою жизнь в искусстве, а также личную жизнь этот человек пропустил мимо, и осталась одна обезьяна и еще до странности нервная беззащитность, которая свойственна талантливым людям до конца их дней.

Обезьяна Гриша, видимо, все это знала, и потому, когда загулявший эстрадный люд вваливался в захламленную квартиру пианиста,

обезьяна начинала кусать всех подряд. Потом она уходила в угол, косила печальным глазом на шумный стол и закрывала голову попонкой. Было принято звонить ночью по телефону.

– Можно Григория? – спрашивал голос очередной подученной дуры.

– Кого? – переспрашивал ошалевший от нездорового сна пианист.

– Ну, Гришу, макаку-резус. Спросите: он меня замуж возьмет?

– Нет, – тихо говорил хозяин и клал было трубку, но спохватывался на полдороге и дико орал в пластмассу: «Ду-у-ра!» В трубке слышался смех. В какой-то далекой телефонной будке был достигнут эффект веселья.

...Хариус развернулся, сделав крохотный водоворот наверху, ткнул носом мошку, и темная спинка его растворилась в темной воде, как будто и не было никогда. На том месте, где он ткнул мошку, остались еле приметные круги воды.

Из-за кустов, со стороны полигона, прыгнул влажный, холодный ветер. Кусты зашумели, и несколько ледяных капель упали Льву Бебенину на лицо. Вода покрылась черной рябью. Ватная пелена вверху разорвалась, и в середине ее образовался холодный зеленый просвет, похожий на рыбий глаз.

Далеко на прииске дробно затрещал тракторный пускач, и через мгновение взревел и заклокотал дизель.

И опять-таки далекий звук трактора слился с мелодией, которую играл чокнутый пианист в промежутке между сороковой сигаретой и второй рюмкой. Это была музыка, тут Бебенин мог поручиться, так как все-таки почти кончил училище по классу виолончели. Пианист редко ее играл, но всегда в таких случаях выходила соседка, женщина-инженер с какого-то завода, выгоняла всех, кто был в комнате пианиста, и открывала форточку. Пижоны ее боялись, боялся и Бебенин. Соседка, до того как стать инженером, прошла всю войну санитаркой. Тяжеловато было с ней спорить. Просто сказать, невозможно.

И тут Лев Бебенин, несостоявший виолончелист, известный в богемном мире под кличкой «Беба», совершенно определенно сунул самородок на дно швейцарской сумки, прикрыл его травкой и еще рыболовной снастью, катушками японской лески, коробками шведских крючков. «Умей поставить в радостной надежде на карту все, что накопил с трудом...» Так писал поэт колониализма Киплинг, воспевавший твердых людей.

На прииске заработал еще один дизель. Начинался трудовой день. Бебенин посмотрел на часы. Семь утра. В семь прииск уже на ногах.

Встречные начнут расспрашивать насчет рыбы. Надо прийти с другой стороны. Позднее восьми. Коллеги будут еще дрыхнуть, приисковые уйдут на работу.

Он вскинул сумку на плечо и пошел от речки через кусты, огибая полигон. Вскоре он промок насквозь, только ноги в резиновых сапогах были сухи.

Кустарник сменился болотом, поросшим редкими листовенниками. Лева прыгал по кочкам, и самородок в сумке при каждом прыжке бил его по спине. Поскользнулся на мокрой кочке и шлепнулся в торфяную жижу. Зеленая синтетическая куртка была испорчена.

Беба выматерился. Он чувствовал себя наследником старого племени таежных золотарей. Ничего были ребята, с оружием в руках. Про них тоже слыхали.

На близкой трассе, натужно завывая, шел на подъем МАЗ. Он переждал, пока завывание исчезнет. Из кустов осторожно осмотрел трассу вправо и влево. Трасса была пуста. Бебенин в три прыжка пересек ее и углубился в таежную хмарь, где не было никаких полигонов, были только проплешины на месте вырубленной тайги и еще дальше торчали мрачные склоны сопок. Именно отсюда он и решил выйти в поселок.

Выжидая время, долго курил на пеньке.

Тайга на него давила. Он даже курил по-другому: спрятав сигарету в кулак. Получалось так: сдай самородок в кассу – живи спокойно. Но знал, что часто будет об этом жалеть и еще больше будет жалеть, когда над ним будут измываться приятели, собутыльники, коллеги. Сдать так, чтобы никто не знал, вряд ли удастся. В газете еще напечатают, прославят дураком на весь Союз. Но не зря его звали Бодрый Беба, на современный манер. Где-то в уголке мозга гремела бодрая музыка, мелькали смутные видения жизни.

Но эти видения жизни как-то были действительно смутны и неясны. Ну много денег. Ну выпивка, закуска, сногшибательный гардероб. Несерьезно все это. В путаных жизненных связях Льва Бебенина числилось знакомство с одним индивидуумом, работавшим по валюте. У того было много денег. Но не было яркого блеска жизни, калейдоскопа чудес «все позволено», не было шепота зависти и восхищения. И кончил он очень плохо. Смурочно кончил. В колонии под часовым, на лесоповале... Да-а...

А совсем уж сбоку всплыла нелепая в этот момент мысль о том, что собирался стать виолончелистом. И стал бы, если бы не бросил. А почему бросил? Потому что лет двадцать труда, и впереди туман-

ная перспектива славы. Зачем пятидесятилетнему деньги и слава?

Необходимо быть мудрым как змей. Мудрым и точным. Лев Бебенин курил сигарету за сигаретой, оттягивал время. На прииск необходимо прийти с готовым решением. Он не мальчик, изнанка жизни ему знакома, и он может себе представить все опасности липкой от страха тропы подпольной торговли золотом. Но он не украл, он нашел. И всего один раз. Можно на сей раз всерьез начать Новую Жизнь. Да, да, такие подарки судьба повторять не будет.

Небо на востоке стало желтым. Оно стало холодного желтого цвета. От тайги за спиной шла темная сила, крепила душу. Не будь сопляком, Беба. Восемь рубликов грамм – цена подпольного рынка. Надо только найти человека. Паспорт ему предъявлять не надо. Не будь сопляком, не смей народ. А может, на этом прииске каждый в чемодане по килограмму держит. Не Пролей Капельки, например.

Не Пролей Капельки давно перешагнул грань, когда человека интересует фотография на Доске почета или заработок сверх минимально необходимого. Он, что называется, «отхильхлял» – сей местный термин означает равнодушие человека ко всему, кроме выпивки, сна и еды. Перегорев в незапамятно дальние времена шального золота и лихой старательской добычи, Не Пролей Капельки работал кочегаром в поселковой котельной и в утренние часы ждал, когда к нему придет смерть. В целом же он был беззлобен, услужлив и числился достопримечательностью поселка, так же как окрестные сопки.

Когда Бебенин приблизился к нему, он сидел на пороге бездействующей по летнему времени котельной и разбирал водопроводный кран. В местах, где строят дома, на такие предметы всегда спрос.

– Привет! Будем жарить закуску? Наловил харю-зов-то?

Беба вынул из сумки большую бутылку вина, по дороге он зашел-таки в магазин.

– Нет хариусов, – сказал он. – Рыбка плавает по дну...

– Этт-ти чернила можно без закуси, – оказал Не Пролей Капельки. – А знаешь, почему харюзов нет?

– Почему?

– Снасть у тебя очень блискучая. Для такой снасти необходим... водоем. Чтобы берега мрамором выложены и разные там эвкалипты. А у нас что... ручьи!

– Кончай баланду, – подлаживаясь под тон, сказал Бебеин. – Давай посуду. И расскажи что-либо. Например, про прошлые времена. Про золото там. Уголовников помнишь, наверное... Ведь помнишь, а? Места у вас знаменитые.

Над прииском плыл нормальный трудовой день. Издалека доносился рокот бульдозеров. Прошел в небе самолет Ил-14. Прогрохотал куда-то вертолет. Стайка пацанов отправилась в тайгу. Поселок был пуст, почти вымер, ибо было время промывочного сезона.

Они сидели на пороге котельной, и Беба умело вел беседу по извилистому и крайне интересному руслу.

– ...Жил, получается, старичок на трассе. Содержал теплушку. Зимой здесь, понятно-понял, морозы, и шоферу что надо: переночевать, воду для мотора согреть и высушить валенки. Потом приехали товарищи и извлекли из-под койки у старичка. Что извлекли? Шестнадцать килограммов золотого песка. Понятно-понял? По

другим слухам, извлекли сорок килограммов. Задержали кого-то на материке, и нитка привела к старичку. А сколько он до этого переправил? Я тогда сильно взволнованный был. Куда, думаю, он деньги девал? Потом вспомнил, куда я их сам девал, и успокоился. Понятно-понял?

Не-е! Любой не потащит. Потому что плохо все это. Из-за дурных денег жизни лишаться. Закону все равно: что щепоть, что пуд. Конечно, пуд выгоднее. Один фокусник, знаешь, что сделал? Растворил в кислоте этой, в царской водке. И налил в бутылки вроде фруктовой воды. Пить он, видишь ли, в самолете желает. Так бутылки в сетке на виду и повез. Попался на третий раз. За ним уже след был. Понятно-понял, высшая мера наказания.

– Так все и попадают? – криво ухмыльнувшись, спросил Беба.

– Так ведь кто не попадает, про тех мы не знаем, – резонно сказал Не Пролей Капельки.

От портвейна, тяжкого влажного воздуха и разговоров голова у Бебы кружилась. Не Пролей Капельки сидел, вспоминая бывшее. Обмороженные, ободранные, обожженные старательские ладони свисали с колен.

– Пойду! – сказал Лев Бебенин.

– Заглядывай! – Старик взял было кран, но подумал и положил обратно.

«Налакался!» – с презрением решил Беба.

– Эй! – вдруг окликнул его Не Пролей Капельки. Глаза старика, мутные и пьяные еще десять секунд назад, смотрели на Бебу с веселой и ясной насмешкой.

– Не надо! – сказал он.

– Что... не надо? – чувствуя холод на спине, спросил Бебенин и сглотнул сухой ком.

– Вообще... не надо. Понимаешь? – старик, то ли он был великий актер, то ли свихнутый, вдруг задурнел. Снова отвисла губа и глаза помутнели.

Беба выругался вполголоса и зашагал прочь.

– Эй, я шутю! – звонко и дурашливо крикнул вслед Не Пролей Капельки.